

Е. И ЦАРЕНКО

О ЛАРИНГАЛИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ КЕЧУА

Многочисленные диалекты языка кечуа обычно объединяют в три диалектные группы¹: 1) северная группа — диалекты Эквадора²; 2) центральная группа — диалекты северного и центрального Перу (бывшая область Чинчайсуу)³; 3) южная группа — диалекты юга Перу, Боливии и северо-запада Аргентины.

Наибольший интерес представляют диалекты южной группы, которые лучше всего сохранили древнюю структуру языка кечуа. Как известно, область первоначального обитания народа кечуа находится в долине Куско (юго-восточное Перу), и именно отсюда язык кечуа за сравнительно короткое время распространился по всей обширной территории государства инков. При значительной близости грамматического строя южных диалектов есть одна черта, которая отличает периферийные диалекты Аякучо (Перу)⁴ и Сантьяго-дель-Эстеро (Аргентина)⁵ от диалектов района Куско — Пуно и Боливии: это наличие в фонологических системах последних ларингализованных (аспирированных и глоттализированных) смычных согласных. Вопрос об исконности ларингализации смычных неясен; некоторые авторы считают, что исходное состояние фонологической системы кечуа сохранилось в диалекте Аякучо, в диалекте же Куско аспирированные и глоттализированные согласные появились в результате воздействия субстрата аймара⁶. Но мнение об исконности фонологической системы Куско является преобладающим.

В дальнейшем под языком кечуа мы будем понимать именно «ларингализованные» южные диалекты, и в первую очередь «имперский» диалект г. Куско, наиболее полно изученный и считающийся образцовым⁷. Для

¹ См.: В. Ferrario, *La dialettologia ed i problemi interni della Runa-simi (vulgo Quechua)*, «Orbis», V, 1, 1956; J. H. Rowe, *Sound patterns in three Inca dialects*, IJAL, XVI, 3, 1950.

² См.: W. D. Reuburn, *Quechua I: phonemics*, IJAL, XX, 3, 1954; G. Orr, *Ecuador Quichua phonology*, сб. «Studies in Ecuadorian Indian languages», Norman, 1962; е е же, *Ecuador Quichua clause structure*, там же.

³ См.: E. J. Garro, *Kechuan dialect of Callejón de Huaylas*, IJAL, X, 4, 1944; G. L. Traeger, *Analysis of a Kechuan text*, IJAL, XI, 2, 1945; D. F. Solá, *Gramática del quechua de Huánuco*, Lima, 1967.

⁴ См.: G. J. Parker, *Ayacucho Quechua grammar and dictionary*, The Hague — Paris, 1969.

⁵ См.: D. A. Bravo, *El quichua santiagueño*, Tucumán, 1956; C. H. Valmorí, *El quichua santiagueño*, сб. «Actas del XXXIII congreso internacional de americanistas...», II, San José, 1959.

⁶ См.: C. Orr, R. E. Longacre, *Proto-Quechumaran*, «Language», XLIV, 3, 1968, стр. 528—530; В. Ferrario, *Указ. соч.*, стр. 463—464.

⁷ См.: J. J. von Tschudi, *Organismus der Ketsua-Sprache*, Leipzig, 1884; E. W. Middendorf, *Das Runa-simi oder die Ketsua-Sprache, wie sie gegenwärtig in der Provinz von Cusco gesprochen wird*, «Die einheimischen Sprachen Perus», 1, Leipzig, 1890; M. Yokoyma, *Outline of Kechua structure I. Morphology*, «Language», XXVII, 1—2, 1951; J. H. Rowe, *указ. соч.*, стр. 139—142; G. Dumézil, *Structure du Quechua (dialecte cuzquéenien)*, «Travaux de l'Institut de linguistique», I, Paris, 1956.

сравнения будет привлекаться также материал боливийских диалектов⁸, весьма близких по грамматическому и звуковому строю к диалекту Куско.

Система фонем языка кечуа (без учета освоенных и неосвоенных заимствований из испанского языка) обычно представляется следующим образом (символами в скобках обозначены фонемы, окончательно еще не включенные в систему):

Согласные					Гласные	
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>ɕ</i>	<i>k</i>	<i>q</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
<i>ph</i>	<i>th</i>	<i>ɕh</i>	<i>kh</i>	<i>qh</i>	<i>a</i>	
<i>pʔ</i>	<i>tʔ</i>	<i>ɕʔ</i>	<i>kʔ</i>	<i>qʔ</i>		
<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ɲ</i>				
	<i>l</i>	<i>ɭ</i>				
	<i>ɾ</i>					
	<i>s</i>	<i>(š)</i>	<i>(x)</i>	<i>h</i>		
<i>w</i>	<i>y</i>					

Как видно из таблицы, фонологическая система кечуа характеризуется весьма простым вокализмом и довольно богатым консонантизмом, с преобладанием оральных согласных и наличием в составе смычных аспирированного и глоттализованного коррелятивных серий. В типологической классификации фонологических систем языков Америки, предложенной Г. Милевским⁹, язык кечуа занимает место среди языков тихоокеанского типа, которые распространены на тихоокеанском побережье Северной Америки и частично в Центральной Америке. Из языков Старого Света в этом отношении с ним сходны языки Кавказа, например грузинский¹⁰.

Характер распределения звуков в речевой цепи вытекает из агглютинативной природы языка кечуа. Агглютинативным языкам вообще свойственна тенденция к равномерному распределению как согласных, так и гласных звуков в слове и в звуковой цепи. При анализе текстов на языке кечуа нетрудно установить, что в нем не допускается стечение более чем двух согласных. Что касается гласных, то в «неприкрытом» виде они встречаются только в начале слова, внутри же слова каждый слог обязательно начинается с согласного. Только в начале слова встречается и придыхание *h*.

Следует отметить, что основные дистрибуционные правила для языка кечуа в таком виде не вполне последовательны. В самом деле, в то время как закон распределения согласных охватывает всю звуковую цепь, закон распределения гласных действует лишь в пределах слова, так как на стыке слов стечение гласных оказывается возможным, например: *ɕʔuwa unu* «чистая вода», *phiña alqu* «злая собака», *anča alin* «очень хороший». Отсутствия стечения гласных в речевом потоке можно было бы ожидать и по общетипологическим соображениям: языки, в которых невозможно стечение гласных внутри слова, а следовательно, невозможны неприкрытые гласные внутри слова, склонны не допускать гласного начала слога в любой позиции, в том числе и в начале слова. Такой закон действует, например, в некоторых семито-хамитских языках и во многих языках Северной и Центральной Америки. Но, разумеется, эта закономерность не является

⁸ См.: A. S. Klassen et al., Quechua, сб. «Gramáticas estructurales de lenguas bolivianas», 1, Riberalta, 1965; Y. Lastra, Cochabamba Quechua syntax, The Hague — Paris, 1968; е е же, Fonemas segmentales del quechua de Cochabamba, «Thesaurus», XX, 1, Bogotá, 1965; J. Urioste, J. Herrero, Gramática de la lengua quechua, La Paz — Cochabamba, 1965.

⁹ T. Milewski, Phonological typology of American Indian languages, в кн.: «Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique», Kraków, 1967.

¹⁰ См.: T. Milewski, Similarities between the Asiatic and American Indian languages, IJAL, XXVI, 4, 1960, стр. 268.

всеобщей, и поэтому проблемой начала слова в языке кечуа следует заняться более подробно.

Из общей фонетики известно, что когда начало гласного звука не прикрыто каким-либо согласным сегментом, фонация гласного может начинаться различными способами, которые называются приступами (*Einsatz, attaque, on-glide*). В зависимости от степени синхронности между движениями, вызывающими воздушную струю из гортани, и движениями, приводящими в колебание голосовые связки, обычно выделяют следующие типы приступов¹¹: 1) мягкий приступ (*leiser, Einsatz, attaque douce, soft glide*) — воздушная струя и колебания голосовых связок начинаются одновременно; 2) твердый приступ (*fester Einsatz, attaque dure, rough glide*) — глоттальная смычка опережает начало воздушного потока. При этом начало фонации сопровождается гортанным взрывом; 3) придыхательный приступ (*gehauchter Einsatz, attaque aspirée, breathed glide*) — воздушная струя опережает начало колебаний голосовых связок. В этом случае началу фонации гласного предшествует придыхание.

С чисто физиологической точки зрения эти способы начала гласных звуков совершенно равноправны. На фонетическом уровне они выделяются в особую группу фонетических средств и рассматриваются отдельно от обычных звуков речи. В то же время твердый и придыхательный приступы нередко причисляют к обычным согласным сегментам, а мягкий приступ считают нулем звука.

Сложнее обстоит дело с установлением фонемной принадлежности приступов. В различных языках сходные фонетические средства могут выполнять совершенно различную фонологическую функцию. Так, во французском языке к числу согласных фонем относят так называемое «*h* придыхательное» (*h aspiré*), которому на фонетическом уровне соответствует нуль звука (мягкий приступ)¹². С другой стороны, до сих пор окончательно не решен вопрос о фонологическом статусе твердого приступа в немецком языке¹³. Трудности, связанные с фонологическим анализом приступов, возможно, объясняются тем, что, с одной стороны, не учитывается специфика фонетической природы приступов, а с другой стороны, не уделяется должного внимания особенностям их распределения и поведения в речевом потоке.

Рассмотрим положение с приступами в языке кечуа. Если придыхательный приступ единодушно признается обычной согласной фонемой, то относительно других видов приступов нет какого-либо определенного мнения. В большинстве работ вообще ничего не говорится о характере непридыхательного гласного начала. Й. Ластра упоминает о факультативной глоттальной смычке перед начальным гласным слова, не признавая за ней фонематического статуса¹⁴. И лишь Дж. Х. Роу констатирует наличие глоттальной смычки в системе фонем кечуа, не приводя, однако,

¹¹ См., например: F. T e s c h m e r, *Phonetik*, Leipzig, 1880, стр. 45—48; H. S w e e t, *Primer of phonetics*, Oxford, 1929, стр. 53—55; R.-M. S. H e f f n e r, *General phonetics*, Madison, 1949, стр. 166—167; E. D i e t h, *Vademekum der Phonetik*, Bern, 1950, стр. 96—124; B. H a l a, M. S o v á k, *Hlas — řeč — sluch*, Praha, 1955, стр. 61—62; W. B e l a r d i, *Elementi di fonetica generale*, Roma, 1964, стр. 27—52; O. v o n E s s e n, *Allgemeine und angewandte Phonetik*, Berlin, 1966, стр. 49—51.

¹² См.: A. M a r t i n e t, *Remarques sur le système phonologique du français*, BSLP, XXXIV, 1933, стр. 201—202; B. M a l m b e r g, *Le système consonantique du français moderne*, Lund — Leipzig, 1943, стр. 40—45; H.-W. K l e i n, *Phonetik und Phonologie des heutigen Französisch*, München, 1963, стр. 27, 121—125; S. A. S c h a n e, *French phonology and morphology*, Cambridge (Mass.), 1968, стр. 7—8.

¹³ См.: W. G. M o u l t o n, *Juncture in modern standard German*, «*Language*», XXIII, 1947.

¹⁴ Y. L a s t r a, *Fonemas segmentales del quechua de Cochabamba*, стр. 52.

подтверждающих эту точку зрения доказательств¹⁵. Создается впечатление, что вопрос о начале слова в языке кечуа почти не привлекал внимания исследователей. Скорее всего, именно из-за своей слабости и неустойчивости твердый приступ не считается фонемой и обычно не обозначается ни в практической орфографии, ни в фонологической и даже в фонетической транскрипции. Вышеприведенных же соображений общетипологического порядка недостаточно, чтобы вынести окончательное решение по данному вопросу.

Поэтому пока мы будем следовать общепринятой точке зрения, согласно которой придыхательному приступу в языке кечуа соответствует ларингальная фрикативная согласная фонема /h/, а непридыхательному приступу — фонематический нуль, которому на фонетическом уровне факультативно может соответствовать как фонетический нуль, так и звуковой сегмент — глоттальная смычка. В первом случае мы будем говорить о придыхательном начале слова, во втором случае — о непридыхательном. Оба эти типа начала слова объединим под условным названием «неконсонантного» начала, в отличие от обычного консонантного.

Заметим далее, что придыхание и глоттальная смычка используются не только в начале слов в роли приступов гласных (звуковых сегментов), но и в качестве дополнительного элемента аспирированных и глоттализированных смычных согласных, которые мы объединили в одну группу — ларингализованных. На фонологическом уровне придыхание и глоттальная смычка в данном случае выступают в роли дифференциальных признаков, несмотря на свою относительную линейность.

Обращает на себя внимание тот факт, что при почти полной идентичности звукового состава слов в различных диалектах кечуа наблюдается известный разноречивый в использовании признаков аспирации и глоттализации. Там, где в одном диалекте в данном слове имеется чистый смычный, в другом диалекте на его месте нередко выступает аспирированный или глоттализированный. Нередко имеет место также замена глоттализации аспирацией и наоборот. Диалектам Боливии свойственна тенденция к более широкому использованию ларингализованных согласных, что объясняется, по-видимому, более интенсивным влиянием языка аймара. Примеры на различные случаи употребления ларингальных признаков:

Куско	Боливия	
<i>maskay, maskhay</i>	<i>maskʔayʃ</i>	«искать»
<i>quča</i>	<i>qhuča</i>	«озеро»
<i>qapariy</i>	<i>qhapariy</i>	«кричать»
<i>yargha</i>	<i>largʔa</i>	«соросительный канал»
<i>qatiy</i>	<i>qhatiy</i>	«следовать»
<i>qʔučiuy</i>	<i>qhučiuy</i>	«веселиться»

Более интересна другая особенность ларингализованных согласных, связанная с их распределением. Она заключается в том, что ларингализованные согласные могут встречаться в слове только один раз, причем ларингализационные признаки закреплены за первой по порядку смычной фонемой в слове¹⁶. Но и неконсонантное начало слога также возможно в слове не более одного раза, и встречается оно также только в начале слова. Отсюда естественно возникает вопрос: не существует ли какой-либо связи между типом неконсонантного начала слова и типом ларингализации смычного?

¹⁵ J. H. Rowe, указ. соч., стр. 139.

¹⁶ См.: C. Orr, R. E. Longacre, указ. соч., стр. 529—530; J. H. Rowe, указ. соч., стр. 139—140.

Прежде всего заметим, что как придыхательное, так и непридыхательное начало слова вполне совместимы с чистыми смычными внутри слова: *hatun* «большой», *ади* «песок», *haku* «пойдем!», *ари* «господин» и т. п. Этого нельзя сказать о ларингализованных смычных. В дополнение к уже известному закону несовместимости нескольких ларингализованных смычных в пределах слова, устанавливаются следующие закономерности: 1) придыхательное неконсонантное начало слова совместимо с глоттализованными, но несовместимо с аспирированными согласными внутри слова; 2) непридыхательное неконсонантное начало слова совместимо с аспирированными, но несовместимо с глоттализованными смычными внутри слова.

Закономерности станут очевидными, если сравнить некоторые слова с неконсонантным началом в диалектах Куско и Боливии, различающиеся лишь наличием или отсутствием признаков ларингализации у согласных. Примеры на субституцию простого смычного глоттализованным:

Куско	Боливия	
<i>aʎpa, haʎpʔa</i>	<i>haʎpʔa</i>	«земля»
<i>uʈuy</i>	<i>huʈʔuy</i>	«маленький»
<i>isqun</i>	<i>hisqʔun</i>	«девять»
<i>amaʈay</i>	<i>hamaʈʔay</i>	«защищать»
<i>uraykuy</i>	<i>huraykʔuy</i>	«опускать»

В этих случаях появление начального *h* вызвано субституцией простого смычного глоттализованным, поскольку наличие или отсутствие начального придыхания не оказывает влияния на простые смычные в слове.

Примеры на субституцию простого смычного придыхательным:

Куско	Боливия	
<i>huqariy</i>	<i>uqhariy</i>	«поднимать»
<i>hurquy</i>	<i>urqhuy</i>	«вынимать»
<i>hatun</i>	<i>hatun, athun</i>	«большой»

В этих случаях замена простого смычного в слове приводит к исчезновению начального придыхания.

Посмотрим теперь, каким образом язык кечуа усваивает из языка аймара слова, строение которых противоречит рассматриваемым законам несовместимости:

аймара	кечуа (различные диалекты)	
<i>amawtʔa</i>	<i>amawta, hamawtʔa</i>	«мудрец»
<i>hiʈhu</i>	<i>iʈhu, hiʈu</i>	«степная трава, сено»
<i>amanqʔaya</i>	<i>amanqay, hamanqʔay</i>	«растение типа лилии»
<i>irqʔi</i>	<i>irqi, hirqʔi</i>	«ребенок»

Как видно из этих примеров, нарушения законов несовместимости могут устраняться двумя путями: либо исчезает ларингализация согласного, либо добавляется или устраняется (в зависимости от обстоятельств) начальное придыхание.

Наконец, характерно появление начального придыхания в связи с субституцией простого смычного глоттализованным при заимствовании испанского слова *azote* «бич, бичевание»: *azote* → *hasutʔi*. Если обозначить придыхательное начало слова через *h_i*, непридыхательное начало — ϕ_i , аспирированные и глоттализованные согласные — соответственно *Sh* и *Sʔ*, то установленные закономерности можно представить следующим образом:

$$\begin{array}{l} \exists Ch_1 \rightarrow \bar{\exists} Ch_2 \quad \exists Ch \rightarrow \bar{\exists} h_i \\ \exists C_1^? \rightarrow \bar{\exists} C_2^? \quad \exists C^? \rightarrow \bar{\exists} \phi_i \end{array}$$

В этих отношениях обращает на себя внимание следующее.

Во-первых, несомненная связь между законом несовместимости придыхательных смычных и законом несовместимости глоттализированных смычных в пределах одного слова. По-видимому, как придыхание, так и глоттальная смычка, будучи дифференциальными признаками согласных фонем, в данном случае ведут себя одинаково, и эти два закона можно представить как частные случаи одного общего закона: в пределах слова возможно наличие не более одной ларингализованной согласной фонемы.

Во-вторых, аналогичная связь между законом несовместимости нескольких придыхательных смычных в слове и законом несовместимости придыхательного начала слова с придыхательными смычными в слове. Это свидетельствует о том, что придыхание может встречаться в слове не более одного раза, независимо от того, является ли оно сегментной фонемой или же дифференциальным признаком согласной фонемы.

С другой стороны, трудно объяснить, почему непридыхательное (т. е. неприкрытое гласное) начало слова несовместимо с наличием глоттализированных смычных внутри слова. Но если учесть только что приведенные закономерности и аналогии, то сам собой напрашивается вывод, что здесь снова проявляется общая тенденция к несовместимости нескольких однотипных ларингальных артикуляций в слове. «Нетерпимость» глоттализированных согласных к непридыхательному гласному началу слова объясняется тем, что в действительности мы имеем дело не с неприкрытой гласной фонемой, а с гласной фонемой, прикрытой фонематической глоттальной смычкой. Закон несовместимости начальной глоттальной смычки с глоттализированными смычными в слове, с одной стороны, аналогичен закону несовместимости нескольких глоттализированных согласных, а с другой стороны — закону несовместимости начального придыхания с придыхательными согласными. Тогда приведенные выше отношения можно переписать следующим образом:

$$\begin{array}{l} \exists Ch_1 \rightarrow \exists Ch_2 \quad \exists Ch \rightarrow \bar{\exists} h_i^? \\ \exists C_1^? \rightarrow \bar{\exists} C_2^? \quad \bar{\exists} C^? \rightarrow \bar{\exists} i^? \end{array}$$

На примере языка кечуа мы еще раз убеждаемся, насколько важно при идентификации фонем учитывать функциональный аспект. Вспомним еще раз французское «*h aspiré*», которое вообще не имеет материального выражения, но благодаря особенностям своего поведения в речевом потоке и по влиянию, оказываемому на другие фонемы, выделяется в согласную фонему, пусть даже «пустую» или «призрачную». В нашем случае выделения дополнительной согласной фонемы — глоттальной смычки — требует тесная связь между различными типами ларингальных артикуляций в слове и весь характер фонологической системы кечуа. К такому выводу мы неизбежно пришли бы на основании одних лишь законов несовместимости ларингальных артикуляций, даже если бы нам ничего не было известно о физической природе непридыхательного гласного начала слова. И хотя физическая реализация начальной глоттальной смычки факультативна, на фонологическом уровне она всегда присутствует там, где начало слова не прикрыто каким-либо другим согласным сегментом. Неустойчивость же её объясняется тем, что твердый приступ в языке кечуа не противопоставляется мягкому приступу, как это имеет место, например, в полинезийских языках (ср. гавайские ¹⁷ *ao* «дневной свет», *a'o* «учение», *'ao* «от-

¹⁷ М. К. Pukui, S. H. Elbert, Hawaiian-English dictionary, Honolulu, 1957, стр. 24—25.

росток, побег», *ʔaʔo* «вид морской птицы»). Возможно, это связано также с начавшимся процессом деларингализации, который в некоторых диалектах зашел довольно далеко (в диалекте Сантьяго-дель-Эстеро не только исчезла ларингализация согласных, но и исчезло начальное придыхание, а в связи с выпадением некоторых звуков стало возможным стечение гласных в слове: *hatun* «большой» → *atun*, *phaway* «лететь» → *paay*). В настоящее же время на фонематическом уровне в языке кечуа возможно только открытое, согласное начало слога и слова.

Таким образом, в дополнение к ларингальной фрикативной фонеме /h/ в систему фонем языка кечуа вводится еще одна фонема — ларингальная смычная /ʔ/. Эти две фонемы образуют пару и противопоставляются всем остальным согласным фонемам не только по дифференциальным признакам, но и по особенностям своего функционирования и распределения, поскольку их употребление ограничивается позицией начала слова. Теперь основные дистрибуционные законы для языка кечуа обретут законченность и последовательность; они будут выглядеть следующим образом: 1) в звуковой цепи невозможно стечение более чем двух согласных; 2) в звуковой цепи невозможно стечение гласных; 3) в пределах слова невозможно наличие более чем одной однотипной ларингальной или ларингализованной артикуляции.

В связи с установленными выше особенностями ларингализации в языке кечуа возникает целый ряд интересных проблем. Неустойчивость ларингальных артикуляций, их подвижность, а главное — однократное употребление в слове наводят на мысль о том, что ларингализация в данном случае характеризует не только согласные фонемы, но и целые слова. Можно сказать, что в языке кечуа неларингализованные слова противопоставляются ларингализованным, причем в последних ларингализация выполняет кульминативную функцию, в известной степени аналогичную функции фонематического ударения (обычное динамическое ударение в языке кечуа почти всегда приходится на предпоследний слог слова и не является словоразличительным). Очевидна также делимитативная функция ларингализации: сегментные придыхание и глоттальная смычка служат сигналами начала слова, а аспирация и глоттализация согласных являются дополнительным средством разграничения корня и аффиксов, поскольку они возможны только в корнях. В связи с общей неразработанностью проблемы просодических средств эти вопросы требуют более подробного рассмотрения и должны явиться предметом специального исследования.
